

В.Н. ВИНОГРАДОВ

ПОСЛЕДНИЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД ХРИСТИАНСКОЙ ЕВРОПЫ

1683 год – дата знаменательная в истории Османской империи, Европы и всего тогдашнего мира: турецкие завоеватели осадили Вену, добрались до сердца европейского континента и собирались утвердиться здесь прочно и надолго. В соседней Венгрии они хозяйничали уже полтора века, со времени правления султана Сулеймана Великолепного, учредившего в стране Будапешт. Но терпение Европы иссякло, в 1684 г. появилась Священная лига в составе Священной Римской империи германской нации, Польского королевства и Венецианской республики. Начался последний крестовый поход христианского мира против представлявшей безудержной османской экспансии. Собрались лучшие воинские силы того времени во главе с великим полководцем Евгением Савойским и польским королем Яном Собеским. Венецианский флот господствовал в Средиземном море.

Но и Русь не могла остаться в стороне от европейского крестового похода.

* * *

Еще в 1475 г. произошло событие, имевшее далеко идущие последствия, предопределившее неизбежность русско-турецких войн: в Крыму высадились османские войска, ханство превратилось в вассала Турецкой державы, а Черное море – в ее внутреннее озеро. Произошло это накануне падения татаро-монгольского ига в 1480 г., во время колоссального усиления Великого княжества Московского при Иване III Васильевиче, присоединившем к своим владениям псковские, ростовские, новгородские, тверские, вятские земли, распространившем свою власть на удельные княжества. Не упускал он возможности и сеять раздоры между татарами. В 1502 г. его союзник, крымский хан Менгли Гирей, разгромил Большую Орду, наследницу Золотой, необходимость лавирования между ордами отпала, и соседство с Крымом обернулось своими неприятными сторонами, которых было множество. Разбойничьи набеги на порубежные русские земли крымчане превратили в государственную политику, грабя жителей, сжигая села и города, увозя в полон население для продажи на невольничьих рынках Востока (по подсчетам, только в первой половине XVII в. – 200 тыс. душ). Княжеская, а потом и царская власть пошла на разорительные траты, соорудив Засечную черту, систему укреплений из лесных завалов и крепостей на стратегически важных направлениях по всему южному пограничью. Гиреев задабривали немалыми “поминками” (подарками), по сути данью. “Поминки” принимались – набеги продолжались. К югу от черты лежало Дикое поле – широкая полоса плодородного чернозема, не знавшая сохи пахаря. И никакие набеги не могли пресечь “вторжение” крестьян на эти земли и их усилий превратить Дикое поле в обрабатываемое и цивилизованное. Это не рассматривалось как поползновение на нечто чужое. В историческом сознании не только в России, но и в Польше Причерноморье воспринималось как древнерусское владение. Опубликованный в конце

XVI в. трактат Ю. Верещинского был озаглавлен “Верный путь к скорейшему и простейшему заселению земель в русских краях...” По договору гетмана И.А. Выгодского (1658 г.) они входили в состав Речи Посполитой как великое княжество Русское¹.

Движение на юг являлось закономерностью отечественной истории. Инициатива же в освоении Дикого поля нередко принадлежала пахарю. Южное направление внешней политики зародилось не только в Боярской думе и царском совете, но и в вольной казачьей среде. Отнюдь не случайным представляется эпизод, произошедший в 1637 г. и поставивший на ноги дипломатию Турции, Польши и России. Донские казаки лихим налетом захватили крепость Азов в устье Дона. Кроме казачьей удали в захвате наличествовало и государственное начало, ибо, как справедливо заметил войсковой круг, “и с того де града Азова чинитца многие пакости Российскому государству”. В ожидании неизбежного ответного удара со стороны османов донцы сели в осаду и послали гонца к царю Михаилу Федоровичу с радостной вестью о присовокуплении города к его державе.

В Боярской думе и Посольском приказе воцарилась не радость, а тревога: еще не зажили раны Смутного времени, очередная война с Польшей закончилась неудачей, Смоленск вернуть не удалось, а тут атаманы вовлекают в ссору с Османской империей. На созванном Земском соборе голоса разделились, возобладали мнение благоразумных и осторожных: конфликт следует погасить². Пять лет длились переговоры с Высокой Портой, столько времени потребовалось, чтобы распутать завязанный предприимчивыми казаками в одночасье узел. Думе удалось, задоблив донцов ружьями, порохом и сукном на кафтаны, уговорить их покинуть полуразрушенный Азов. До вооруженного столкновения с турками тогда дело не дошло. Одолевали заботы и хлопоты в другом направлении. За вхождением Левобережной Украины в состав России (1654 г.) последовала тринадцатилетняя война с Польшей (1654–1667 гг.), в которой в 1656–1658 гг. пришлось сражаться и со Швецией. Война выдалась затяжная, изматывающая, сопровождавшаяся татарскими набегами. Гетман Юрий Хмельницкий, сын Богдана, переметнулся на польскую сторону. И все же по Андрусовскому договору Москве удалось добиться возвращения Смоленска, Дорогобужа, Невеля, Чернигова, Стародуба. Польша признала вхождение Левобережной Украины в состав России³, но ее обладание Киевом ограничивалось двумя годами, а Запорожье подлежало совместному управлению двух государств. Обе стороны давали себе отчет в том, что в плане стратегическом они заинтересованы в отпоре османской экспансии. Идя по этому пути, Москва в 1681 г., после новой войны с турками, добилась согласия Порты на присоединение Левобережной Украины и Киева к России. Но обусловленный Андрусовским договором срок владения Киевом истек, передача его Польше не состоялась, и в отношениях Москвы и Варшавы появилось яблоко раздора. А в России после смерти Алексея Михайловича и его сына Федора десятилетний царь Петр делил престол со слабым телом и хилым умом братом Иваном, бразды правления взяла в свои руки сестра Софья, клан Нарышкиных ссорился с кланом Милославских, стрельцы своевольничали и бунтовали.

В это время на Западе готовился последний крестовый поход христианской Европы, назревала война с Османской империей, раздвинувшей свои границы до Венгрии (эялеты Будайский и Темешварский). Россия была кровно заинтересована в отпоре турецкой державе, ее участие в Священной лиге представлялось не только закономерным, но и просто неизбежным. Однако вступление в альянс задерживалось по причине напряженных отношений с Польшей.

Турецкое вторжение несколько опередило готовность Москвы к участию в отпоре ему. Ситуация представлялась великому визирю Кара Мустафе, человеку решительно-

¹ Аршакова А.М. Турецкий вопрос в польской публицистике конца XVI века. М., 2000, с. 8; История внешней политики России XV–XVIII в. М., 2000, с. 317.

² Разин Е.А. История военного искусства, т. 3. М., 1962, с. 230–235.

³ Савин Г.А. Порты, Крым и страны Восточной Европы. – Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. М., 2001, с. 70–71.

му, честолюбивому и тщеславному, вполне благоприятной для нанесения удара: Венеция еще не оправилась от поражения в ходе 24-летней войны (1645–1669 гг.) и утратила остров Крит; Венгрии как единого целого не существовало, ее делили Турция, Римский император и мятежный магнат Имре Теколи. Могущественный французский король-солнце Людовик XIV являлся смертельным врагом австрийского кайзера Леопольда и потенциальным союзником Высокой Порты. Его войска во главе со знаменитыми полководцами А. Тюренном, С. Вобаном и А. Конде сражались в разных комбинациях с армиями Англии, Голландии, Швеции, Испании, Бранденбурга, Австрии и отдельных немецких княжеств. Людовику удалось присоединить Лилль, девять бельгийских городов, Мец, Туль, Верден, столицу Эльзаса Страсбург, они выгнали из Нанси герцога Лотарингии, входившей тогда в Германскую империю. Людовик был заинтересован в том, чтобы отвлечь силы императора Леопольда на восток. Тайком он науськивал Порту на Австрию: “Решение султана выступить против Венгрии может прекрасно способствовать сохранению мира во всей Германии, или, по крайней мере, воспрепятствует тому, чтобы император бросил все войска на Рейн”⁴.

Не от хорошей жизни османы решились воевать. Империя находилась в жесточайшем системном кризисе, разваливалась тимарная система землевладения, основа основ сельского и всего хозяйства и экономический фундамент вооруженных сил султаната. Вся земля принадлежала падишаху и делилась на участки, тимары и зеаметы, которые предоставлялись спахи, кавалеристам, за службу и на ее срок. Крестьян с земли не сгоняли, их обязанности по отношению к тимариоту до конца XVI в. были строго регламентированы: трудовая повинность – три дня в год. При приезде “хозяина” община содержала его самого и его боевого коня три дня, на слуг эта повинность не распространялась. В его пользу шла также часть взимаемых с крестьян поборов. Пока завоевывались все новые и новые земли, пока империя расширялась, система функционировала гладко. Но в XVII столетии завоевания стали сокращаться, а потом и прекратились, и сельское хозяйство, базировавшееся на сохе, косе и мотыге, забуксовало. Поскольку все сущее устанавливалось Аллахом и смене не подлежало, идея развития и усовершенствования средств производства даже не приходила на ум, понятия “прогресс” и “обновление” отсутствовали. Ревнителю старины давали отпор любой попытке выйти за рамки привычных представлений, рассматривая это как посягательство на предначертания свыше. Усомнившихся в истинах корана ожидала смерть.

Экономический прогресс обошел Османскую империю стороной. Открытие Ост-Индии и Америки переместило основные пути транзитной торговли из Средиземного моря в Атлантический и Тихий океаны. Таможенные поступления снизились вдвое. Поток золота и серебра, хлынувший из Латинской Америки, привел к революции цен. Началась порча монеты. Поступления в казну упали, то же самое, в миниатюре, происходило в хозяйстве каждого тимариота, получавшего фиксированную, пересматривавшуюся только раз в 20–30 лет ренту. И конные спахи утрачивали интерес к походам – ни побед, ни завоеваний, ни добычи – и стремились превратить тимар в частную собственность, в чифтлик, отлынивали от военной службы, становились домоседами. В XVI в. Порта могла выставить на поле боя 230 тыс. первоклассных кавалеристов, в XVIII – всего 50 тыс.⁵, которые по-прежнему предпочитали сражаться холодным оружием и неохотно переходили на чадающий самопал, их эффективность в боях с вымученной, обученной строю немецкой и венгерской пехотой резко упала. Изживал себя страшный налог на мальчиков из христианских семей, девширме, которых воспитывали в духе мусульманского фанатизма и превращали в янычар, составлявших ударную силу пехоты. К середине XVII столетия к девширме стали прибегать все реже. Могучее янычарское войско переродилось. Был предан забвению обет безбрачия. В корпус хлынули турки в погоне за полагавшимися привилегиями, включая освобождение от налогов. Жалова-

⁴ Гусарова Т.П. Австрийские Габсбурги во главе войны с османами 1683–1699 г. – Там же, с. 243.

⁵ Sugar P. Southeastern Europe under Ottoman Rule. Seattle–London, 1977, p. 193, 241.

ние выдавалось нерегулярно, янычары стали обзаводиться лавочками и мастерскими, многие из них уваливали даже от явки на смотры, не говоря уже об участии в походах. При Селиме III в списках числилось 400 тыс. янычар, а служили едва 50 тыс.⁶

Но Высокая Порта не видела иного способа восстановить боеспособность войска иначе, как расширив его состав, пополнив запас тимарных земель. В качестве добычи особо лакомыми представлялись австрийские владения – хорошо обработанные, тщательно ухоженные земли. Раем для гяуров называл хронист Х. Хезарфен окрестности Вены. Попытки насадить тимарную систему в малонаселенной Подолии с целинными землями с треском провалились, слишком больших затрат трудом и деньгами они требовали. Предаваясь завоевательным расчетам, радетели системы как-то забывали, что даже на прежнем пространстве империи не хватало сил для установления прямого султанского правления и распространения тимаров по всему периметру соприкосновения с внешним миром. В Европе той или иной степенью автономии и самостоятельности обладали Дубровник (Рагуза), Дунайские княжества, Молдавия и Валахия, Трансильвания, черногорцы упорно отстаивали свою фактическую независимость, жители горных районов Греции вообще редко соприкасались с турецкими властями. Существование православного миллета (общины) признавалось официально, и главой ее являлся Константинопольский патриарх, имевший чин трехбунчужного паши (полного генерала по-европейски) и звание визиря. Но духовно христиане никогда не смирялись с мусульманским владычеством. Весь прежний строй жизни, верований и идеалов по заветам Евангелия и нормам обычного права оставался в силе. Великая заслуга православной церкви заключалась в том, что она способствовала сохранению языка, культуры, этнического лица сербов, черногорцев, болгар, греков, молдаван и валахов. Они слушали в храмах проповеди и молились на родном языке. В монастырях составлялись летописи, напоминавшие о прошлом величии, о Византийской империи, о двух болгарских царствах, о державе Неманичей у сербов, о правлении Штефана Великого в Молдавии и Михая Витязя в Валахии. А теперь – райа (“стадо” по-арабски) у агарейн. Поэтому, когда вспыхивали восстания, пастыри с крестом в руке шли в рядах борцов. И не случайно очаги волнений возникали прежде всего в контактных с внешним миром зонах – у сербов, многочисленные сородичи которых проживали в австрийских владениях, у греков, они рассеялись по всей Европе от Лондона до Нежина, у молдаван и валахов, мечтавших скрыться под крылом двуглавого российского орла. Насадить в империи повсеместно тимарную систему представлялось невозможным. Оставалось искать выхода из кризиса в новых завоеваниях.

Внимательно следя за непрекращающимися междоусобицами в христианском лагере, в Стамбуле пришли к выводу, что объединенного отпора опасаться нечего. И в этом состоял грубейший просчет. Утверждения знамени пророка в Вене, укрепление османов в сердце Европы не желал допускать никто. Даже Людовик XIV не решился примерить ампула их пособника и отклонил предложение Порты о союзе. Кайзер Леопольд предпринял в 1682 г. осторожный мирный зондаж в Стамбуле. Турки в качестве платы за сохранение мира потребовали передать им ряд пограничных крепостей, в том числе твердыню Дьер на пути к Вене.

31 марта 1683 г. император Леопольд и польский король Ян III Собеский заключили оборонительный и наступательный союз против Высокой Порты, обязавшись выставить каждый армию в 60 и 40 тыс. человек. Действовать стороны предполагали на разных участках, совместные операции предусматривались лишь в случае угрозы Вене или Варшаве. И, что важно отметить, договор содержал статью, запрещающую заключение сепаратного мира.

Кипучую деятельность по сплочению сил христианского мира развил папа Иннокентий XI, в молодости сражавшийся с османами с мечом в руке. Его можно назвать крестным отцом Священной лиги. Папские легаты способствовали сближению между Леопольдом и Яном Собеским, рассеивали недоверие между Австрией и Венецией,

⁶ *Inalcik H.* The Ottoman Empire. The Classical Period 1300–1600. London, 1973, p. 98.

примиряли Речь Посполитую с Московским государством. Иннокентий щедро финансировал союзников, Леопольд получил по подписании договора 400 тыс. талеров, Собеский – на 100 тыс. больше⁷. Папа разрешил продажу трети церковного имущества в габсбургских землях и получил кредиты от итальянских, немецких и нидерландских банкиров под церковные доходы.

В самый день заключения австро-польского союза Высокая Порта объявила ему войну с соблюдением всего полагавшегося церемониала: чтением фетвы шейх-уль-ислама, вручением Кара-Мустафе зеленого знамени пророка. Вену весть застала врасплох, шли споры насчет жалования солдатам и хлебных рационов и, что еще важнее, фигуры главнокомандующего. У Леопольда хватило благоразумия не искать лавров полководца, в военном деле он слыл профаном. Выбор пал на Карла Лотарингского, изгнанного Людовиком XIV из своих владений, выдающегося стратега и военачальника, обладавшего обманчивой внешностью: невысокий, щедушный, длинный нос нависал у него над подбородком, ходил обычно скромно одетым во все коричневое.

200-тысячная армия Кара-Мустафы представлялась грозной силой, он спешил (воевали тогда только по октябрь, потом отправлялись на зимние квартиры) и двинулся прямо на Вену, не обременяя себя осадой попутных крепостей. Стамбульские стратеги недооценили преобразований европейцев в военном деле. На смену тяжелому, редко стрелявшему мушкету пришло кремневое ружье со штыком. Прежнее деление пехоты на стрелков и копейщиков изжило себя. Широкое распространение получили ручные гранаты, в полках появились рослые солдаты-гренадеры. Облегчались и усовершенствовались пушки. Высокой степени развития достигло фортификационное искусство, вокруг крепостных стен сооружались редуты и бастионы. Бешеному натиску кавалерии спахиев стали противопоставлять эшелонированную в четыре ряда пехоту, поддерживаемую с флангов перекрестным артиллерийским огнем. Против янычар использовалась тяжелая кавалерия кирасиров.

Османское войско впечатляло своей численностью, но и на нем лежала печать отживавшей державы. Исследователи полагают, что боеспособного состава насчитывалось 90 тыс. человек. В арьергарде шли вспомогательные отряды молдаван и валахов, несшие хоругви с изображением Богородицы, в ни малой степени не расположенные защищать знамя с полумесяцем. Фланги охранялись крымской конницей, опустошавшей окрестности на много верст вокруг и лишавшей тем самым войско необходимого ему продовольствия и фуража.

Император Леопольд с семьей загодя покинул столицу, провожаемый недобрыми взглядами, а то и язвительными замечаниями подданных. Августейшие беглецы погостили в Линце, а затем перебрались в Пассау. Оставшимся в Вене гарнизоном командовал опытный и отважный граф Р. Штаремберг, сердца жителей дрогнули, когда они с высоты крепостных стен увидели десятки тысяч костров и палаток.

Осада началась в июле, один приступ следовал за другим, Кара-Мустафа хотел одержать победу до того, как к Вене подтянутся союзные силы. 3 августа удалось пробить брешь в стене, Штаремберг стал готовиться к уличным боям. Но и турки устали от постоянных схваток, болезни уносили больше людей, чем сражения, убыль в личном составе достигла 50 тыс. человек, но в строю еще оставались 150 тыс. А к союзникам подтягивались полки саксонцев, баварцев, баденцев, швабов, франконцев, всего удалось собрать 70 тыс. солдат и офицеров. 12 сентября Карл Лотарингский и Ян Собеский дали бой. Карл пробился к лагерю осаждающих, разметав охранявших подступы к нему татар, молдаван и валахов, особого упорства не проявивших. Решающую роль сыграла атака польской кавалерии во главе с королем, врезавшейся в ряды янычар и опрокинувшей их строй. Кара-Мустафа отступал до Белграда, где его ждали палачи. Казнили его, как полагалось особе столь высокого ранга, задушив шелковым шнурком.

В Европе воцарилось воодушевление: неужели рассеялся кошмар нашествий, висевший над христианами 300 лет? А фронт союзников стал давать трещины, всплыли

⁷ Gaber S. Et Charles V arreta la marche des turks. Nancy, 1986, p. 77.

старые ссоры и раздоры. Поляки, баварцы и саксонцы удалились в свои края. Испанские Габсбурги оказывали сильное давление на Леопольда, требуя замирения с турками, авось те после разгрома успокоятся, надо сосредоточить силы на Рейне для противодействия притязаниям Людовика XIV. Антиосманское крыло в австрийской правящей элите имело сильного покровителя в лице папы Иннокентия XI. После долгих колебаний император принял судьбоносное решение – продолжать борьбу. К союзу удалось привлечь Венецию.

5 марта 1684 г. в Линце был подписан договор между Австрией, Польшей и Венецианской республикой, четвертым участником выступал римский папа. Родилась Священная лига. Ее члены обязались воевать против Высокой Порты до подписания с ней почетного мира и не идти на сепаратные сделки. Австрийцы должны были вести операции в Венгрии, поляки – в Подолии, венецианцы – в Адриатическом и Эгейском морях и Далмации. Иннокентий XI участвовал в войне своими галерами, а главное – деньгами и авторитетом. Россия примкнула к лиге через два года, уладив дела с Польшей.

Целью операций в Венгрии являлось взятие Буды, оплота турок в Центральной Европе, стратегической позиции, на которую опиралась цепь крепостей. С ее взятием рушилась вся система османской обороны, а австрийцы становились хозяевами судоходства по Дунаю, Леопольд устанавливал контроль над всей Венгрией и выполнял обещание своего предка Фердинанда, данное за полтора столетия до описываемых событий – изгнать турок из страны и объединить ее.

Бои затянулись, взять с ходу Буду не удалось. Потеряв 24 тыс. человек убитыми, ранеными и умершими от болезней, австрийцы и баварцы сняли осаду крепости. Не принес успеха и 1685 г., хотя имперские войска получили пополнения из немецких княжеств и их численность достигла 120 тыс. Контингент польских войск, действовавших на Украине и в Молдавии, напротив, уменьшился до 20–25 тыс. по причине финансовой слабости Речи Посполитой, раздоров между короной и магнатами и особой позиции литовской знати, выступавшей за мир и союз с Москвой. Венгрия подверглась страшному опустошению, армии обеих сторон как бы состязались в жестокости и лихоимстве. Особенно свирепствовал имперский генерал Э. Караффа, называвший себя “бичом мадьяр”. Его солдаты “предавали всех мечу, не разбирая возраста и пола, не обращая внимания на стоны и слезы, не щадя несчастных, умолявших их на коленях о пощаде”⁸.

Решающие успехи принес 1686 г., удача избрала Карла Лотарингского своим фаворитом. Имперский рейхстаг выделил Леопольду “турецкую помощь” в 2 млн. 750 тыс. флоринов. К лиге примкнула Россия. Военная слабость и внутренние раздоры в Речи Посполитой привели к тому, что союзники все менее считались с королем Яном Собеским. В Варшаве росло стремление урегулировать отношения с восточным соседом и с его помощью оторвать Крымское ханство от Высокой Порты и прекратить татарские набеги. Пришлось пойти далеко навстречу требованиям Москвы. В апреле был подписан договор о “вечном мире” между Россией и Польшей, по которому Варшава согласилась, наконец, признать не временный, а безусловный переход Киева с округой в состав Российского государства. Москва закрепила за собой Смоленск, Левобережную Украину, Киев с землями между реками Ирпень и Стугна с городками Васильков, Стайки, Треполье, Запорожье. Россия выплачивала Речи Посполитой 146 тыс. рублей. Православные епископы в Польше и Литве подчинялись киевскому митрополиту, предусматривалась свобода православия в Речи Посполитой. Что касается католиков в России, их права обрисовывались скромнее, предусматривалась свобода отправления культа в домах. Стороны заключили наступательный союз против Крымского ханства и Османской империи на время войны и оборонительный навечно. Попытки Яна Собеского побудить царевну Софью и князя Василия Васильевича Голицына предпринять в том же 1686 г. поход против Крыма успехом не увенчались, те ссылались на необходимость тщательной подготовки операции и обещали лишь препятствовать татарским набегам на поль-

⁸ Ibid., p. 90.

ско-литовские земли. Полномасштабное выступление против Крыма намечалось на 1687 г., что и было зафиксировано в договоре⁹.

В июне 1686 г. Карл Лотарингский двинулся к Буде во главе армии в 40 тыс. штыков, состоявшей из имперских контингентов, бранденбургских, швабских и франконских полков. Отдельной колонной и по другой дороге шел баварский корпус (22 тыс. бойцов) Макса-Эммануила, не желавшего подчиняться Карлу. Прибывали волонтеры – итальянцы, испанцы, португальцы, французы, голландцы, англичане. Английский король Яков II приказал своему сыну прервать учебу в Сорбонне и надеть мундир.

18 июня союзные войска окружили Буду. Кольцо осады постепенно сжималось. Удалось захватить господствующую над городом гору Геллерт. Крепостные стены были разрушены артиллерийским огнем до такой степени, что турки не решались устанавливать на них пушки. Великий визирь Сулейман, двигавшийся с войском на выручку городу, по пути потерпел поражение, пробиваться к Буде не решился и в бессилии наблюдал за общим штурмом 2 сентября.

Хотя от гарнизона осталось всего 5 тыс. человек, он сопротивлялся упорно, резня на улицах состоялась страшная, комендант Абдурахман с горсткой уцелевших сражался до конца и пал с саблей в руке.

Назвать происшедшее освобождением невозможно. Озверевшая солдатня предала Буду мечу и огню, особенно свирепствовали ворвавшиеся в нее первыми баварцы. Грабили и убивали всех подряд, мусульман, христиан, иудеев. Многие евреи хотели скрыться на кораблях, стоявших на Дунае, но их схватили и предали смерти, а их имущество присвоили. Часть своих единоверцев спас банкир С. Оппенгеймер за большой выкуп.

Впечатление от победы было потрясающим, наконец-то избавились от турецкой угрозы, висевшей дамокловым мечом сотни лет, некоторые оптимисты стали мечтать об изгнании османов в Азию. Карл Лотарингский взял Шипош, Печ, Капошвар, Сегед. В 1687 г. успехи продолжались. В августе полководец разгромил армию великого визиря в битве у местечка Надьхаршань, в которой особо отличился Евгений Савойский. Во главе полка цесарской конницы он ворвался в ряды стойко оборонявшейся неприятельской пехоты и обратил ее в бегство. После этой победы оставшиеся в Венгрии крепости почти все сдались без сопротивления. Мадыарское дворянство спешило загладить грех неповиновения. Леопольд вырывал оппозицию с корнем. Венгрию он рассматривал как неприятельскую страну, и “свой” грабили и опустошали ее так же беспощадно, как “чужие”. На объявленную еще в 1684 г. амнистии власти не обращали внимания: “Эпоха реконкисты имела свои теневые стороны, – признавал В. Тапье, – офицеры и солдаты армии обращались с освобожденным населением с неслыханной жестокостью, занимались вымогательством, грабежом в такой степени, что, как это ни парадоксально, не раз заставляло жалеть (об уходе) турок”¹⁰. На этом мрачном фоне Леопольд утвердил свою власть в стране. Государственное собрание в Позони (ныне Братислава) безропотно подчинилось его воле: был отменен обычай избрания венгерских королей, престол был утвержден за родом Габсбургов по мужской линии, сословия отказались от древнего (с 1222 г.) права оказывать сопротивление монарху, который освободил себя от обязанности регулярно созывать собрание.

В 1687 г. Россия, связанная с лигой договором с одной только Польшей, внесла свой вклад в общее христианское дело. Еще в конце прошедшего года по городам огласили указ “великих государей” Ивана и Петра, от имени которых правила царевна Софья, о сборе ратных людей для похода на Крым. Призванные под знамена не спешили, многие оказались в нетчиках (беглецах). Воеводой большого полка (главнокомандующим) назначили князя Василия Васильевича Голицына, царевнина фаворита, крупного государственного деятеля и дипломата, но полководца никудышного.

⁹ Артамонов В.А. Страны Восточной Европы в войне с Османской империей (1683–1699). – Османская империя и страны..., с. 300.

¹⁰ Tapie V.S. Monarchie et les peuples du Danube. Paris, 1969, p. 165.

В романе Алексея Толстого “Петр Первый” Русь времен Алексея Михайловича и его сына Федора преподносится как совершенно отсталая. Это далеко не так. Именно тогда произошло объединение с Украиной и велось освоение Сибири. Преобразования коснулись и вооруженных сил. Собравшееся в поход войско на две трети состояло из полков иноземного строя, солдатских, рейтарских и гусарских. Но и прорех в организации обнаружилось предостаточно. По разрядной росписи войско насчитывало 113 тыс. пеших и конных плюс 50 тыс. донских казаков и запорожцев¹¹. На самом деле в пунктах сбора на реке Самаре собралось 100 тыс. С советом гетмана И. Самойловича – выступать ранней весной, когда в степи зеленеет травка, подножный корм для конского состава, – не посчитались, через реку Конские Волы рать переправилась и вступила на землю Крымского ханства лишь в середине июня 1687 г. Солнце палило нещадно, кругом – безводная степь да силуэты конных крымчан на горизонте. Вскоре степь заволокло дымом – татары подожгли сухую траву. Выгорела полоса растительности в 200 верст шириной, образовав своего рода оборонительный рубеж на подступах к Перекопу. Конница, обозные и артиллерийские лошади лишились корма. Военный совет высказался за прекращение похода, и большой воевода В.В. Голицын приказал отступать. Итог – десятки тысяч ратников умерли больше всего не от ядер, пуль и стрел, а от жажды, истощения и болезней.

В 1689 г. князь вторично пытался пробиться в Крым. Выступили рано, в марте. Весна выдалась дождливая. Люди с трудом шли по грязи, колеса артиллерийских лафетов и обозных телег увязали в ней по ступицу. Узкий (всего семь верст) Перекопский перешеек татары превратили в мощный оборонительный рубеж: глубокий ров, за ним – земляной вал с семью опорными башнями обороны, за которыми – цитадель с десятками пушек. Наступила жара, люди маялись от недостатка хлеба и пресной воды. Князь Голицын спросил воевод – что делать? Те отвечали: “Служить и кровь свою пролить готовы, только от безводья и бесхлебья занедужились, промышлять под Перекопом нельзя, и отступить бы прочь”¹². На штурм перешейка Голицын не решился и распорядился отходить. Татары восемь дней преследовали войско. Царевна Софья попыталась было наградить своего любимца. Юный царь Петр отказался подписать соответствующий указ. Он уже обрел самостоятельность.

Несмотря на неудачу, крымские походы внесли весомый вклад в общие усилия членов Священной лиги. Они отвлекли 100-тысячное крымское войско от операций на Балканах и тем способствовали успеху армий Австрии, Польши и Венеции. Однако в глазах кайзера Леопольда, короля Яна Собеского и венецианского дожа московиты выглядели неудачниками.

Успехи союзников на Балканах продолжались. В 1687 г. кайзер Леопольд обратился с воззванием к жителям полуострова, призывая их выступить против угнетателей. Обращение встретило отклик в Боснии, Сербии и Болгарии. Сербь, по словам патриарха Арсения Черноевича, “выставили 19 тыс. конного и пешего войска” и развернули партизанскую войну в тылу османской армии¹³. Соппротивление турок слабело, осенью 1688 г. сравнительно легко был взят Белград, важнейший стратегический пункт, место сосредоточения войск султаната для удара в сердце Европы. В городе удалось захватить много складов со снаряжением и продовольствием. Путь в глубь Балкан был открыт. Армией лиги в Сербии командовал Макс Эммануил Баварский. Людвиг Баденский прорвался из Венгрии в Боснию. Венецианцы заняли Афины, что произвело большое впечатление на всю Европу, хотя прославленный город превратился к тому времени в захудалое местечко. На севере Болгарии вспыхнуло Второе Тырновское восстание. В Вене планировали занять Герцеговину и Далмацию. Но тут в события вмешался неумный Людовик XIV, развязавший третью в его царствование завоевательную войну, на сей

¹¹ Разин Е.А. Указ. соч., с. 253–256.

¹² Там же, с. 262.

¹³ Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII веке. М., 1986, с. 22.

раз за Пфальцское наследство. Его поползновение на европейскую гегемонию привело к созданию Аугсбургской лиги (Голландия, германский император, Швеция, Испания, Бавария, Саксония, с 1689 г. – Англия). Война растянулась на девять лет, на границу с Францией пришлось перебросить многие полки с Балкан, на Рейн отправились опытные полководцы Карл Лотарингский и Макс Баварский. Но самым тяжелым ударом для Священной лиги явилась смерть Иннокентия XI, ее вдохновителя и казначея. Преемник, Александр VII, выдающимися качествами не обладал. Денежный поток из Рима нельзя сказать, чтоб иссяк, но обмелел, что отразилось пагубным образом на численности и состоянии боевого духа христианского воинства.

Турки оправились. Новый великий визирь Мустафа из знаменитого албанского рода Кепрюлю в 1690 г. вытеснил неприятеля с Балкан. Начался террор, особенно жестокий в Старой Сербии, в Косове. “Все эти земли опустели, – печалился летописец, – церкви Божии сожжены, монастыри ограблены и разорены совершенно, люди перебиты, женщины и юноши взяты в плен, настало худшее разорение и пленение”. Самой тяжелой потерей явилась сдача Белграда, в души робких вселился страх – а не придется ли снова думать о защите Вены?

Произошел великий исход сербского населения, охваченного ужасом перед неминуемой местью турок. 40 тыс. семей, с детьми, домашним скарбом и скотом, всего более 100 тыс. душ, покинули родные места и двинулись в неведомые края¹⁴. Шли пастыри, несли кресты и иконы. Возглавлял переселение Печский патриарх Арсений Черноевич. А на покинутые земли, в Старую Сербию, ныне именуемые обычно Косовом, мигрировали албанцы. Далеко в глубь истории уходят корни конфликтов, сотрясающих ныне Сербию!

Император Леопольд благосклонно принял переселенцев, обещал предоставить им землю, уважать православную веру, разрешил им жить по прежним законам и обычаям. Венский двор получал двойную выгоду: заселял и возрождал хозяйственную жизнь в опустошенных и обезлюдевших южных комитатах Венгрии; приобретал первоклассную воинскую силу. Новоприбывшие становились граничарами, военными поселенцами, охранявшими порубежье с Турцией. Они освобождались от всех налогов и несли лишь охранную службу. Жалованье полагалось только офицерам.

Остановить османский натиск удалось в сражении при Саланкеменце в августе 1691 г., одном из самых кровопролитных в жестоком XVII в. Турки потеряли в нем 19 тыс. человек, в том числе великого визиря Мустафу-пашу, у христиан число павших и раненых достигало 7 тыс., а Людвиг Баденский увенчал себя лаврами полководца.

Наступило затишье до 1695 г., стороны истощили свои силы. Первыми пришли в себя османы и в битве при Лугоже (Лугоше) разгромили имперские войска. Леопольду пришлось обратиться за помощью к курфюрсту Саксонскому Фридриху Августу. Тот дал согласие, однако потребовал для себя пост главнокомандующего, хотя даром полководца не обладал. Но Вене повезло: курфюрст был избран на польский престол под именем Августа II, с легкостью перейдя для этого из лютеранства в католичество. Генералиссимусом союзных армий стал Евгений Савойский, участник обороны Вены, чье полководческое дарование сомнений не вызывало. Полуфранцуз-полуитальянец с примесью немецкой крови (он даже подписывался “Эугенио фон Савоя”), пятый сын Олимпии Манчини, племянницы кардинала Д. Мазарини, он от родителей не унаследовал ничего, даже прославленной красоты матери – небольшого роста, невзрачный, хотя и державшийся с большим достоинством, смолоду бедный. Увлеченный борьбой с османским нашествием, он бежал из Парижа и сделал блестящую карьеру под знаменами императора¹⁵.

¹⁴ Достян И.С. Балканские народы во время войны Священной лиги с Османской империей. – Османская империя и страны..., с. 367; Богословский М.М. Петр I, т. 2. М., 1941, с. 507–508.

¹⁵ Подробнее. см.: Priesdorf K. Prinz Eugen. Hamburg, 1940.

К тому времени война за Пфальцское наследство затухала, одолеть пол Европы маршалы Людовика XIV оказались не в состоянии. Участники Священной лиги получили возможность сосредоточить на Балканах большие силы. Имперский сейм ввел налог на войну по всей Германии, Саксония, Швабия, Бранденбург, Бавария выделили контингенты. Духовенство пожертвовало часть своих доходов. Венеция строила суда и спешно подбирала экипажи.

Армия двинулась вниз по течению Дуная. 11 сентября 1697 г. у местечка Зента, у моста через Тису, произошло генеральное сражение. Принц Евгений воспользовался тем, что силы противника оказались разделенными рекой, обрушил артиллерийский огонь на пехоту, оставшуюся за Тисой, а сам атаковал тех, кто успел переправиться. 20 тыс. турок пали в битве, в числе их и великий визирь. Султан Ахмед в бессилии наблюдал с другого берега реки за гибелью армии и ударился в бегство, оставив в добычу победителям даже личные вещи. На следующий день Евгений Савойский проснулся признанным великим полководцем. Король Людовик XIV, получив вести о Зенте, перестал затягивать мирные переговоры и по Рисвикскому миру (сентябрь–ноябрь 1697 г.) уступил большую часть прежде завоеванных земель, включая Лотарингию.

Ободряющие вести приходили и из Москвы. Азовские походы Петра I окружены легендой: начало великих дел. Мы здесь намерены строго придерживаться истины – ни восторгов, ни уничижительных оценок. Итоги первой кампании 1695 г. – взяты две “каланчи”, башни по берегам Дона, между которыми протянута цепь, препятствующая выходу судов в море. Всю зиму на верфях в Воронеже стучали топоры, визжали пилы, корабль за кораблем спускался на воду и отплывал вниз по реке. Азов в 1696 г. был занят. В Москве торжествовали. Но ведь Азов – всего лишь провинциальная крепость на далекой периферии Османской империи. Сколько их надо взять, чтобы пробиться к открытому морю – Кинбурн, Очаков, Бендеры, Хотин, Измаил, Брэила (Браилов), Джурджу (Журжево), Силистрия.

Умом государственного деятеля Петр сознавал: необходима акция европейского значения, следует влить свежие силы в Священную лигу, доказать свою необходимость для победы, чтобы добиться цели. Прозорливость молодого царя, его способность масштабно мыслить и ставить стратегические задачи на много лет вперед проявились в том, что он уже тогда включал в состав антиосманских сил балканские, и прежде всего южнославянские, народы. Весь юг и даже центр России в плане экономического заинтересован в прорыве к Черному морю и далее, через проливы Босфор и Дарданеллы, к открытому океану. Этим путем на западные рынки должно хлынуть зерно с плодородных причерноморских полей. Прорыв мыслился в сочетании с богоугодным делом освобождения христиан Юго-Восточной Европы. Царь писал патриарху Адриану о своих трудах 10 сентября 1697 г.: “Чиним не от нужды, но доброго ради приобретения морского пути, дабы искусяся совершенно, возвратяся против врагов имени Иисуса Христа победителями, а христиан тамо будущщ освободителями благодатию Его быть”¹⁶.

Нащупывались пути проникновения на Балканы, к тамошним христианам направлялись эмиссары. В головах у дьяков, сочинявших “наказные статьи”, царил еще туман. Так, капитану Г. Островскому в октябре 1697 г. велено было ехать “в земли и места, ближе и податнее до Славенской или до Словацкой и до Шклявонской земли”. Островский до таинственной Шклявонии добираться не стал, а осел в Венеции и там собирал сведения о Балканах.

Гораздо больший интерес представляют путевые дневники стольника П.А. Толстого, в будущем графа, видного государственного деятеля и дипломата. Он осел в Дубровнике (Рагузе). Его послания можно рассматривать и как впечатления путешественника, и как размышления разведчика о стратегическом значении Дубровника¹⁷.

Великое посольство 1697–1698 гг. – выдающееся событие в летописи сношений отечества с Западом, по словам британского историка Г. Маколея – эпоха в истории

¹⁶ Письма и бумаги императора Петра Великого, т. 1. СПб., 1887, с. 193–194.

¹⁷ Там же, с. 199–201; Политические и культурные отношения..., с. 11, 12, 16, 17.

всего человечества¹⁸. Но нельзя забывать, что непосредственной целью посольства являлось упрочение антитурецкого союза, “подтверждение дружбы и любви, ослабление врагов Креста Господня, султана турецкого, хана Крымского и всех бусурманских орд”¹⁹. Послы информировали союзников об операциях российских войск в низовьях Днепра, взятии Таванской и еще трех небольших крепостей. Весть о великой победе при Зенте Петр встретил неоднозначно. Он отправил Леопольду полагавшееся поздравление, но заподозрил, что австрийцы воспользуются триумфом для заключения мира на благоприятных для себя условиях, при том что Россия оставалась еще очень далека от желаемых результатов, а султан “мыслит иметь мир”, дабы “себе отдохновение учинить и связь христианских государей прервать”²⁰.

И он был прав. Россия была соединена долгие годы со Священной лигой только договором с Польшей, игравшей в союзе вторую скрипку. В 1697 г. спохватились, и в феврале поспешно заключили союзный договор с Австрией и Венецией. Но он не содержал ключевого для Москвы пункта, обязательства заключать мир лишь с ее согласия, предусматривались только консультации с нею по ходу переговоров. В акте говорилось витиевато, но в то же время определено: о турецких предложениях о мире – иным союзникам (России) полагалось “ведомо чинити, и купно всем тем разговором объяти и вместити и им обо всем, что ни есть делалось бы, от времени до времени ведомость чинити”²¹. Обязательства согласовывать с Москвой условия мира союзники на себя не брали. После Зенты охотников продолжать войну с турками, помимо Москвы, не обнаруживалось, просьбы с российской стороны “позадержаться” с миром, чтобы “могли все довольство воспринять”, не встретили отклика. Открылась неприятная истина – Россию использовали, но с ее интересами не считались. Царь тщетно выразил надежду на то, что его просьбы “презренными” не останутся. В другой раз он заметил: “основание мира положено по воле цесарского величества”, а следовало уточнить условия с общего совета всех союзников. Канцлер королевства Богемского, чешский аристократ граф Ф. Кинский, разъяснил Петру, что цесарь влез “в великие долги, а поляки и венеты ненадежны”²². Впрочем, посольство в объяснениях и оправданиях не нуждалось: Европа готовилась к очередному переделу сфер влияния, вошедшему в историю под именем войны за испанское наследство (1701–1714 гг.). Французский король Людовик XIV, используя родственные связи давно умершей жены, собирался посадить на освободившийся престол Испании своего внука. Австрия, Англия, Нидерланды готовились выступить против, и не существовало силы, способной склеить заново Священную лигу.

С просьбой о личном свидании с кайзером Леопольдом Петру пришлось обращаться трижды, прежде чем он получил согласие. Австрийцы оговорили условия: четверть часа на беседу, но никаких дел, ими занимаются министры, лишь обмен любезностями. В зал монархи зашли с разных сторон, двинулись навстречу друг другу, остановились у окна и проявили живейший интерес к взаимному здоровью. Император не произвел на Петра впечатления: невысокий, хилый, дряхлый, с неприятно отвисшей нижней губой и преисполненный сознания собственного величия.

На конгрессе в Карловице (Сремски Карловцы, 1698–1699 гг.) российские союзники добились крупного успеха. Цесарь присоединил к своим владениям Центральную Венгрию и Трансильванию, Речь Посполитая – Подолию с крепостью Каменец, Венеция – Морею (Южную часть Балканского полуострова), причем каждая страна заключила с Высокой Портой отдельный договор. Россия осталась если не в стороне, то на обочине

¹⁸ Молчанов Н.Н. Дипломатия Петра Великого. М., 1991, с. 131.

¹⁹ О посольстве см.: Соловьев С.М. История России с древнейших времен, кн. 18. М., 1963, с. 542; Орешкова С.Ф. Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. М., 1971, с. 28; Письма и бумаги..., с. 205, 209, 211, 213.

²⁰ Письма и бумаги..., с. 210.

²¹ Памятники сношений древней России с державами иностранными, т. 8. СПб., 1867, с. 417.

²² Письма и бумаги..., с. 257, 259, 261, 262, 260.

конгресса. Партнеры охотно предоставили бы ей возможность продолжать войну с Турцией в одиночку. Понадобилось большое упорство со стороны думного дьяка П.Б. Возницына, чтобы добиться перемирия на два года на основе принципа *uti posseditis* (“чем владеешь”). А мечталось о многом. В качестве желательных условий “пристойного и во всех наших ползах и прибытках мира” значились: присоединение Керчи, прекращение татарских набегов, свобода торговли сухим путем и морем “до Константинополя и далее до Синопа и далее до Трапезона”. Не были забыты и христианские народы: “Треком, Сербом, Болгаром, Словаком и иным всем, тоежь веру употребляющим, да будет всякая свобода и волности без всякого отягчения и лишних податей”²³.

Изменился весь баланс сил: христианская Европа из стороны обороняющейся превратилась в наступающую, мусульманская Турция перешла к обороне (хотя временами и в дальнейшем противоборстве добивалась успеха). Произошел великий перелом в отношениях Востока и Запада, Азии и Европы, мусульманского и христианского мира. Европа перешла в наступление, Османская империя медленно, но верно теряла позиции. Были в ходе христианского натиска перерывы, осечки, даже временные неудачи, в XIX столетии одна Россия продолжала прежде общеевропейское дело. Долог и тяжок был путь к конечному успеху, но через 215 лет Османская держава была прижата в Европе к проливам Босфор и Дарданеллы, а после Первой мировой войны превратилась в Турецкую республику. На рубеже XVII и XVIII вв. о чем-то подобном можно было лишь грезить. Но надлежит говорить об осознании стратегических задач российской политики на южном направлении на столетие вперед. Вице-адмирал Корнелий Крюйс обратил внимание посольства на желательность того, “дабы все корабли московские свободно и без помешательства... во все турецкие пристанища (порты. – *В.В.*) заходить могли”²⁴. Поскольку “пристанища” находились и на Средиземном море, Крюйс ставил вопрос о проходе судов через Босфор и Дарданеллы.

Усилиями Возницына Турция признала вхождение Азова в состав России, но перемирие заключалось лишь на два года. Перед московской дипломатией встала задача добиться прочного мира, а внимание ее было отвлечено на север, где вырисовывалась перспектива укрепления ее позиций на Балтике.

Могущество Швеции тревожило соседей. Замаячила возможность сотрудничества с Данией, Польшей, Саксонией, Пруссией с тем, чтобы совместными усилиями если не изгнать, то хотя бы потеснить шведов в Прибалтике, да и в Германии. Из Москвы приходили вести о стрелецких волнениях, и Петр спешил домой. Как он ни торопился, но все же задержался на несколько дней в Раве-Русской и Томашеве (Томашуве-Мазовецком) для свидания с курфюрстом Саксонским и королем Польши Августом II. Молодые люди приглянулись друг другу, пировали от зари и до зари, проводили смотры войск, Петр мастерски бил в драгунский барабан. Атмосфера загула создавала у окружающих обманчивое впечатление, они не сознавали, что в Раве-Русской в августе 1698 г. были заложены основы союза трех стран, России, Польши и Саксонии, против Швеции. Петр был в восторге от нового друга. Август, прозванный Сильным, легко гнул подковы, на ниве галантных походов превзошел Дон Жуана, побочным детям его не было числа, его сын Мориц Саксонский стал маршалом Франции. Но сам Август был посредственным правителем, бездарным полководцем и вероломным союзником. Тщательно изучавший его деяния и делишки Н.Н. Молчанов именовал его коронованным проходимцем. Знал бы царь о советах Августу его доверенного лица И.Р. Паткуля: надо “крепко связать руки этому могущественному союзнику (Петру. – *В.В.*), чтобы он не съел перед нашими глазами обжаренного нами куска (Лифляндию. – *В.В.*)”²⁵. На август и ноябрь 1699 г. пришлось заключение союзных договоров с Данией и Польшей, потом последовал указ о формировании 30 новых полков.

²³ Там же, с. 295–299, 304–309.

²⁴ Богословский М.М. Указ. соч., т. 5. М., 1948, с. 108.

²⁵ Молчанов Н.Н. Указ. соч., с. 302.

Но руки у царя были связаны, прежде, чем заняться северными делами, следовало заменить зыбкое двухгодичное перемирие с Турцией солидной договоренностью, нечего было и думать о войне на Балтике без обеспечения безопасности на юге от возможных ударов Порты. В Стамбул на переговоры снарядили опытного дипломата Е. Украинцева, в помощь ему дали дьяка И. Чередеева. Прибыли на место они 3 сентября 1699 г. (ст. ст.). на корабле “Крепость”. Девять месяцев длилось их “сидение” в османской столице. О программе максимум, включая обретение Керчи, россияне не заикнулись, и без того “мест притыкания”, как тогда говорили, было предостаточно.

С потерей Азова турки смирились. Удалось избавиться от унижительной дани крымскому хану. Правда, ведший переговоры с османской стороны грек А. Маврокордат, занимавший пост драгомана Порты, советовал “подарки” время от времени все же делать, изыскивая на странном для высокого турецкого сановника языке, более близкого христианам: “и псов кормят же, чтобы сыты были и голодом не издыхали”. Попытка добиться свободы судоходства по Черному морю натолкнулась на жесткий отпор: “По Черному морю иных государств кораблям ходить будет свободно тогда, когда Турское государство падет и вверх ногами обратится”. Жаркий спор разгорелся вокруг днепровских городков, селений близ устья реки, занятых российскими войсками уже после взятия Азова. Обе стороны сознавали их большое стратегическое значение; отстояв их, Москва обеспечивала себе контроль над низовьями Днепра и плацдарм на подступах к Крыму. Украинцев пытался придать притязаниям оборонительную видимость – здесь сподручно задерживать татарские набеги. Турки возражали – еще сподручнее использовать городки для наступления на Крым, всего несколько переходов до Перекопа. Реис-эфенди говорил с “великим гневом”: султан никого на свете не боится, Аллах создал турок “со всеми творить войну и побеждать мечем”. Произошла резкая перепалка. Территория, занятая городками, осталась за Крымским ханством, но они подлежали срытию, от Перекопа до Азова и от Запорожской сечи до Очакова сохранялись земли “пустые и порожние и всяких жильцов да лишены будут”²⁶. К концу “сидения” послы устали, их мучила жара и бесконечные проволочки турок. Много хлопот доставлял командир корабля “Крепость” П. Памбург, один из тех авантюристов, которые тогда стаями слетались в Россию. Прибытие в Стамбул он отметил пушечным салютом, перепугавшим обитательниц сераля. Затем последовали стычки с поставщиками продовольствия на судно, которых Памбург угрожал повесить на реях. С трудом совместными усилиями послов и турецких властей удалось вывести судно в устье Босфора, и выходы буйного капитана прекратились. А царь сгорал от нетерпения и требовал от Украинцева: “Токмо конечно учини мир, зело нужен”²⁷.

3 июля 1700 г. мир с турками на 30 лет был подписан. 6 августа гонец с вестью о нем прискакал в Москву. На следующий день наспех собранная и плохо снаряженная армия двинулась в поход на Прибалтику, навстречу нарвскому поражению. Но брать реванш Россия начала невиданно быстро. Уже осенью 1701 г. обозначились крупные успехи на поле боя ее войск под командованием Бориса Петровича Шереметева. Через 20 лет война завершилась победоносным Ништадтским миром. Руки России на южном, пока еще крымском, направлении внешней политики, переросшим в дальнейшем в балканское, были развязаны. А Петр смотрел далеко вперед. В его обращениях к “турецким христианам” обозначились контуры внешней политики державы на юго-западном направлении. Его цель – не завоевание, а освобождение балканских христиан от ига “поганского”: “Никакого властолюбия и распространения областей своих и какого-либо обогащения не желаем, ибо и своих древних и от неприятелей своих завоеванных

²⁶ Богословский М.М. Указ. соч., т. 5, с. 198, 110, 113; Славянские народы Юго-Восточной Европы и Россия в XVIII в. М., 2003, с. 252. Текст Константинопольского мирного договора см.: Письма и бумаги..., с. 368–376.

²⁷ Письма и бумаги..., с. 332, 310, 353.

земель, городов и сокровищ по Божьей милости предостаточно имеем”. Далее следовал важнейший постулат о возрождении под российским покровительством, попорченной османскими завоевателями их государственности: “Позволим под нашу протекцию избрать себе начальников от народа своего и возвратим и подтвердим их права и привилегии древние, не желая себе от них никакой прибыли, но содержа их яко под протекцию нашу”²⁸.

XVIII столетие ознаменовалось четырьмя русско-турецкими войнами и установлением покровительства России над православным населением Балкан; поддержка нашей страной его национального движения превратилась в постоянный фактор, в решающей степени способствовавший краху османского господства в регионе. Но нельзя забывать, что последний крестовый поход христианской Европы, подорвавший военную мощь турецкой державы, укрепил связи балканцев с христианским зарубежьем и привел к зарождению перспективы их пока еще отдаленного и мучительно трудного освобождения.

²⁸ Там же, с. 226–227.